

Тимофей Степанович Бурнашев — один из крупных руководителей горно-заводского производства на Алтае и в Перчинском горном округе в первой половине XIX века, путешественник.

Сын унтер-офицера. После двух лет учебы в Змеиногорской школе начал службу пробырным учеником (1785). Сметливость, любознательность и необычайное трудолюбие подростка привлекли внимание самого начальника заводов Г. С. Качки. По его распоряжению он две зимы (1790 и 1791) обучался в Барнаульском горном училище и показал такие успехи, что о нем вновь было доложено Г. С. Качке. Тот распорядился прибавить ему за усердие жалованье. На Змеиногорский рудник Т. С. Бурнашев вернулся уже пробырщиком.

В 1794 году командующий Сибирской линией генерал-поручик Штрандман, получив высочайшее повеление о посылке в Среднюю Азию секретной экспедиции «для узнания сего края во всех отношениях», обратился в горное ведомство с просьбой подыскать подходящего человека для этой цели. Г. С. Качка назвал унтершихтмейстера Бурнашева. В помощь ему был выделен из линейного батальона старший сержант Безносовых.

9 ноября 1794 года Бурнашев отправился в дальнее (1650 верст) и небезопасное путешествие под видом купца, разыскивающего отца и приказчиков, ушедших в Киргизскую степь со значительными капиталами. По замыслу, он должен был посетить Бухару, Самарканд, Ходжент, Коканд и Ташкент. Генерал Штрандман снабдил его посланиями к владельцам тех ханств.

Но дальше Бухары Бурнашева не пустили. Он прибыл сюда 25 января 1795 года. Чиновники эмира отнеслись к «купцу» и его товарищу подозрительно, две недели держали под караулом, пытаясь выяснить истинную цель их приезда; потребовали предъявить все имевшиеся у них бумаги, пригрозив, что в случае отказа отберут их силой. Наконец, Бурнашева пригласили во дворец, где объявили, что отправляют

к белому царю своего посла, и ему надлежит выехать вместе с ним.

Охрану сняли. Бурнашеву и его спутнику разрешили ходить, куда пожелают, дозволили посетить даже пушечный и монетный дворы. Почти три месяца, до отъезда, Бурнашев неутомимо собирал сведения о Бухарском эмирате, записывая их шифром, который сам придумал.

На обратном пути кочующие киргизы потребовали у вожатого каравана выдать им русских «купцов» на том основании, что они воюют с белым царем. Вожатый затянул переговоры до ночи, а ночью Бурнашев и Безносиков, с его ведома, бежали. Днем прятались в камышах, ночь проводили в пути. На десятые сутки добрались до Орской крепости. Прибыв в Омск, Бурнашев представил генералу Штрандману подробный отчет, который был признан «весьма удовлетворительным».

В 1798 году Бурнашев получил первый офицерский чин шихтмейстера. Вскоре его опять вызвали в Омск для выполнения нового секретного поручения. Незадолго перед тем ташкентский владетель обратился к царю с просьбой прислать горного специалиста для оценки руд, в которых предполагалось наличие золота. Выбор снова пал на Бурнашева. В помощь ему назначили шихтмейстера М. С. Поспелова. 1 мая 1800 года они отправились в путь в сопровождении казачьего конвоя. В самую жару прошли Голодную степь...

В Ташкенте их встретили с необыкновенными почестями, как послов русского царя, поселили в отдельном доме. Более трех месяцев они пользовались полнейшей свободой, им разрешили встретиться даже с русскими невольниками, которые рассказали им немало интересного о Ташкенте. Бурнашев, как и в Бухаре, старательно записал все, что слышал и видел. Вернувшись в Омск в ноябре 1800 года, Бурнашев представил подробный отчет, содержащий ценные сведения о самых разных сторонах жизни Ташкента.

В 1918 году Г. И. Спасский опубликовал оба отчета в своем журнале «Сибирский вестник». В 1851 году они в сокращенном виде появились в «Вестнике Русского географического общества». Мне думается, они и теперь не потеряли исторической ценности.

В 1802 году «за исправное выполнение поручения» Бурнашев и Поспелов (умер в 1813 году) были награждены пожизненной пенсией, сверх жалованья, в размере 240 рублей в год.

Вернувшись на Алтай, Бурнашев начал быстро продвигаться по службе. «За восемь лет (1799—1806) получил

шесть чинов», с гордостью пишет он в автобиографии. К чести его надо сказать, что этим он обязан только себе. «Приучась с малолетства к бедности и трудам, читаем в его автобиографии, был неутомим по службе. Излишества, роскошь, мотовство были мне противны».

В 1809 году Бурнашев «при бергмейстерской должности» в Змеиногорском руднике, в 1810—1817 годах — управляющий Локтевским сереброплавильным заводом. Под его руководством была проведена крупная реконструкция завода, испытаны новые виды печей и способы плавки руды.

В 1817 году начальником Колывано-Воскресенских заводов стал П. К. Фролов. Он значительно обновил состав Канцелярии Колывано-Воскресенского Горного Начальства. Бурнашев был назначен членом Канцелярии по заводской части. Во время длительной командировки П. К. Фролова в Петербург и на Урал (февраль 1818 — февраль 1819) исполнял его обязанности.

В 1821 году Бурнашев был назначен начальником Нерчинского горного округа. Здесь на его долю выпала сомнительная честь встречать декабристов, осужденных к каторжным работам, а несколько позже — их титулованных жен. В своих воспоминаниях они отзываются о нем как о грубом администраторе. М. Бестужев называет даже «запечных дел мастером». Лишь Е. П. Оболенский отмечает, что Бурнашев хотя и был «довольно груб» на словах, но в его распоряжениях видно было «желание облегчить наше положение, не обременяя нас излишней тягостью».

Вот лишь один пример. Горный офицер Рик, которому Бурнашевым был поручен надзор за тюрьмой, приказал декабристов по возвращении с работы запираť в камерах, отобрал даже свечи. Те объявили голодовку. Прибывший на пятый день Бурнашев стал по-двое вызывать декабристов для объяснений. «Угрозы плетей, кнута и прочего составляли часть его монолога», — отмечает Е. П. Оболенский. Но, разобравшись, Бурнашев отменил все распоряжения Рика, удалил его самого, поручив надзор за тюрьмой офицеру Резанову, который ничем не стеснял декабристов, частенько проводил с ними вечера за шахматами, водил их на длительные прогулки. Трудно представить, что Бурнашев об этом не знал.

Со временем он стал покладистей и в отношениях с женами декабристов. Возможно, сыграло роль то, что, проверяя, согласно инструкции, их переписку, он узнал, что у них в столице остались родственники и друзья такого ранга, перед которыми он, Бурнашев, был мелкой сошкой. Но вероят-

нее предположить, что он был не деспот по натуре, а верный царский служака, сын своего времени.

Выйдя в 1832 году на пенсию, Бурнашев вернулся в Барнаул. Но, видимо, его деятельной натуре покой был противопоказан. Он увлекся селекцией, стал членом двух Московских обществ — испытателей природы и сельского хозяйства. Последнее в 1838 году наградило Бурнашева золотой медалью за разведение китайского и других табаков, признанных экспертами «отменно хорошими».

Он регулярно переписывался со служившим в Петербурге С. И. Гуляевым, которому доводился дядей (был братом его матери).

Похоже, старый оберберггауптман живо интересовался состоянием горно-заводского дела на Алтае. Узнав, что С. И. Гуляев занялся историей Колывано-Воскресенских заводов, он пишет ему: «Желательно, чтобы твои сочинения о Колыванских заводах вышли порядочнее и сходны с натурой. Однако по мнению моему, их молодыми и бодрыми вовсе нельзя представить, поелику они не те уже, как бывали, а сгорбились и нарочито хромают. Надобно доброе лекарство к поддержанию их жизни. Дай-то Бог, чтобы она продолжалась...»

Еще в 30-е годы нашего века посетители Нагорного кладбища могли видеть близ могилы французского археолога Менье массивную чугунную плиту с надписью: «Здесь покоится тело оберберггауптмана 5-го класса Тимофея Степановича Бурнашева, родившегося в 1772 году и скончавшегося в 1849 году, декабря 7 дня».

Могила эта, как и все Нагорное кладбище, к стыду нашему, уничтожена...

В. Ф. Гришасев

ЛИТЕРАТУРА

Савельев Н. Я. Автобиография исследователя Средней Азии на рубеже XVIII—XIX веков Тимофея Степановича Бурнашева // Краеведческие записки. Барнаул, 1959. Вып. 2. С. 255—274.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Алтайского края, ф. 163, оп. 1, д. 101, лл. 102—124.